

Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XII Междунар. науч. конф., Иваново, 20–21 февраля 2013 г. : в 2 ч. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. – ISBN 978-5-7807-0991-6 Ч. 2. – 712 с. – ISBN 978-5-7807-0993-0

В сборнике представлены материалы XII Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века», в которых авторы анализируют различные проблемы истории Русской Православной Церкви в контексте истории российского государства и общества XX века, исследуют малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводят в оборот неизвестные источники, пытаются найти новые подходы в изучении новейшей отечественной истории.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

- д-р ист. наук А. А. Корников (ответственный редактор)
д-р ист. наук С. М. Усманов
д-р ист. наук В. Л. Чернопёров
канд. ист. наук А. В. Степанов
д-р филос. Наук Г. С. Смирнов
канд. ист. наук И. А. Комиссарова (ответственный секретарь)

За содержание материалов ответственность несут авторы

О ПРИНЦИПАХ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВЯТЫХ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ ПО АКТУАЛЬНОЙ ТЕМЕ)

Предложенная тема, на наш взгляд, чрезвычайно жизненна. В 1990–2000-е гг. Русской Православной Церковью были канонизированы несколько сот новомучеников – только к 2000 г. были изучены материалы о 860 мучениках и исповедниках (Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, на Архиерейском юбилейном Соборе // Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 августа 2000 г.), Нижний Новгород, 2000, С. 92–93).

Представление о святости у современного человека те же, что были сформированы в синодальный период, который составил два века истории Русской Церкви с начала 1700-х по 1917 г. Окончательное формирование синодальной системы И. К. Смолич связывает с созданием Духовного регламента: «... основной смысл «Регламента» заключается не столько в отмене патриаршества, сколько в революционной перестройке отношений между государством и Церковью. С выходом «Духовного регламента» Русская Церковь становится составной частью государственного устройства, а Святейший Синод – государственным учреждением» (Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. 3. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 89).

Такая точка зрения во многом справедлива, хотя современные исследователи обращают внимание: неправильно отводить институту синодальной обер-прокуратуры роли «злого гения», т. к. «конкретно-исторические исследования показывают... если должность обер-прокурора доставалась человеку церковному... весь механизм ведомства православного исповедования работал на благо Церкви» (Фирсов А. Г. Проблемы изучения синодального периода истории Русской Церкви в контексте идеи «симфонии» // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2006. Т. 1. С. 109).

Разовьем эту мысль: видеть в Церкви только политический, экономический, социальные аспекты – упрощающий, механистический

подход. Церковь является, прежде всего, мистическим, сакральным организмом. Так, наиболее точную и глубокую оценку синодальному периоду дал митрополит Московскому Филарет, написавший, что «Духовную коллегия, которую у протестанта перенял Петр... Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод» (Цыган В., протонеря История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 28).

Именно сакральная сторона церковной жизни понесла наибольшие потери. А. М. Панченко образно характеризует ситуацию, что «Петр «приостанавливает» русскую святость» (Панченко А. М. Петр I и веротерпимость // Азъ. Приложение к газете «Литератор». Л., 1990. № 1 (июнь). С. 27). Даже после восстановления Патриаршества в 1917 г. основные принципы прославления остались такими, какими сформировались в синодальный период. В современной работе епархиальных комиссий по канонизациям также заложен принцип четкой централизации (см., напр.: Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 1–2 октября 1993 года с одобрением представленного Комиссией порядка канонизации местночтимых святых в работе епархиальных комиссий по канонизации святых // Канонизация святых в XX веке. М., 1999. С. 146–148).

Понятно, что такой централизацией делается попытка избежать стихийного почитания и полународных лже-канонизаций. Попытемся разобраться в жизненности такого подхода.

В досинодальный период одним из самых масштабных прославлений святых стали московские Соборы 1547 и 1549 годов. Они были собраны по инициативе московского митрополита Макария. На них было прославлено 40 новых святых (старых было немногим более 20, не считая местных святых) многие святые разных краев, прежде чтившиеся только местно, получили общее чествование по всей России. Тогда же были собраны местные службы, жития и чудеса новых чудотворцев, а для некоторых составлены вновь и тоже обнародованы (Словарь понятий и терминов // Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб., 2001. С. 589; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской земли. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 225; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1998. С. 109; Живов В. М. Святость. Краткий словарь агнографических терминов. М., 1994. С. 39–40).

Приоритетной является позиция, сформулированная Е. Е. Голубинским, что «становятся московскими святыми, местные святые становятся единой или общою представительницею всей Руси» (Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 294). Но следует отметить, что причтение усопшего подвижника благочестия к лику святых (что уже было фактом церковной жизни), а установление единства форм их богослужебного почитания «Удание и испытание о чудесах» понималось в то время не в смысле историко-критического исследования жизни подвижника, а как поиск ранее неизвестных чудес (Мусин Александр, диакон. «Новые чудотворцы» и проблема авторитета в культуре XVI-века [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/spravki/persons/21person/musin.html>).

Такой подход существовал до конца XVII в. Но в синодальный период во главу угла было поставлено именно историко-критическое исследование святых. В итоге, как верно отмечала И. Левин: «местные общины ругались за правильность почитания их святого, опираясь на собственный опыт. Между тем церковные власти в столице заявляли, что вопросы канонизации относятся только к их ведению» (Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М.: Индрик, 2004. С. 181). Позиция церковных властей в том числе строилась на убеждении, что в упраздненных культурах больше суеверия, чем христианства. Восприятие же на уровне «местного православия» (см. о данном термине: Маркелов А. В. Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни российской провинции второй половины XVII – начала XX в. (на примере Вятской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 21–22) было противоположным и строилось на принципе, что почитание местночтимых святых и икон истинно (См.: Лавров А. С. Канонизация и почитание святых мощей в России в первой половине XVIII в. // Русская религиозность: Проблемы изучения, СПб.: Фонд по изучению истории Русской Православной церкви во имя Святого Димитрия Ростовского, 2000. С. 155; Маркелов А. В. Указ. соч. С. 99–139).

Если сделать краткий промежуточный вывод: в макариевские (и более поздние, дисинодальные) времена как раз учитывался опыт и позиция местные местных обществ. 1720–1760-е гг. были характерны тем, что церковно-государственная власть не доверяла местным обществам, порождая скрытые или явные конфликты.

Только к началу XX в. в этом вопросе произошел ряд принципиальных изменений. Мистическую сторону Церкви и религии чувствовал император Николай II. В его царствование было причислено к лику святых больше подвижников, чем за два предыдущих века (Цыпин В., про-

тонерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 297), совершен ряд общероссийских канонизаций, восстановлены такие старинные культы, как почитание св. Анны Кашинской (См.: Семеновко-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века: История персонификации. М., 2010. С. 27), что также должно было сдерживающее повлиять на набирающие силу в обществе предреволюционные настроения (Там же. С. 21).

Например, в моей родной Вятке стремление к святости воплотилось в строительстве в 1915–1916 гг. Феодоровской церкви. Она была посвящена памяти свят. Феодосия Черниговского, свят. Иоасафа Белгородского, преп. Серафима Саровского, св. прав. княгини Анны Кашинской. 19 мая 1916 г. иконы с частицами мощей Питирима Тамбовского, Феодосия Черниговского и Анны Кашинской были принесены в храм, который посвятили покровительнице Дома Романовых – Феодоровской иконе Божией Матери и где в том или ином виде нашли отражение святые, прославленные в царствование последнего российского императора (Маркелов А. В. Феодоровский образ Богородицы в судьбе Вятской земли // Ученые записки Межрегионального гуманитарно-технического института Поволжья. Т. 9 (2005 г.). Материалы научно-практической конференции «Православие в истории и в современном мире: проблемы и перспективы». Чебоксары, 2005. С. 113).

Еще одним важным событием начала XX века стал выпуск «Верного месяцеслова всех русских святых, чтимых молебнами общецерковно и местно». При его подготовке был выбран не синодальный метод диктата сверху, а скорее подход времен митрополита Макария. Из Санкт-Петербурга в епархию были направлены запросы: каких святых почитают на местах. Впервые за многие десятилетия была сделана реальная попытка услышать голос местных обществ и узнать, каких святых почитают на местах, и на основе ответов был составлен официальный церковный календарь (Руди Т. Р. Из истории русской агниологии начала XX в.: издание «Верного месяцеслова всех русских святых» // Русская агниография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. II. С. 309–318). К сожалению, «Верный месяцеслов...» остался незамеченным многими епископами, приходами и монастырями (Семеновко-Басин И. В. Указ. соч. С. 25), это же касается и Вяткой епархии (Маркелов А. В. Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни российской провинции... С. 182–183).

Какие же проблемы существуют сегодня, в начале XXI века? Несмотря на канонизацию многих новомучеников, очень часто их реального почитания на местах нет. То есть подготовлено житие, написаны

иконы и богослужебные тексты, канонизация совершена, а для местного общества прославленные подвижники святыми не являются (их не воспринимает такими ни духовенство, ни верующие). Известны случаи, когда в некоторых епархиях (надеюсь, что это все-таки единичные случаи, от реальности не по разуму) старались готовить материалы на прославление одного святого в год. На самом деле это формалистичный подход, который ведет в тупик.

На мой взгляд, бессмысленны вопросы и дискуссии: святы ли, например, убитые на Пасху 1993 г. оптинские иноки, святы ли погибшие в Чечне Евгений Родионов и священник Анатолий Чистоусов? Введите в «Википедию» информацию о них, и вы увидите, что существует их реальное почитание (в различных формах).

Недавно стало известно о вятском уроженце, иноке Романа (Малышеве). Он погиб в 1994 г. в боях под Сараево и почитаем в Сербии и на Афоне как Роман Вятский (Никитина А. Вятского инока помнят и почитают как святого // Вести. Вятка. 2012. 13 февр. № 6. С. 5–6).

Именно почитание на местах и помогает вызреванию реальных, а не бумажных канонизаций. При этом, бесспорно, нужно составление подробных жизнеописаний почитаемых подвижников, что, во-первых, поможет отразить все стороны их жизни и служения, обсудить спорные вопросы, а, во-вторых, сами жизнеописания в дальнейшем могут стать основой для житий.

Почитание подвижников может продолжаться несколько десятилетий (примеров масса – например, можно вспомнить преп. Серафима Саровского и прав. Иоанна Кронштадтского). При этом ценность их почитания не становится меньше, а опыт местных обществ в этом почитании может стать бесценным.